

С.И. Руденко, А.Н. Глухов
Могильник Кудыргэ на Алтае.

// [Материалы по этнографии](#). Т. III. Вып. 2. 1927.

Многочисленные отуреченные финны и самоеды, как полагал акад. В.В. Радлов, в северных предгорьях Русского Алтая, многочисленные турецкие и монгольские племена на всей остальной обширной площади Алтайского нагорья представляют сложный конгломерат взаимно переплетающихся расовых элементов, культурных взаимоотношений и влияний, требующих тщательного изучения и анализа.

Оставляя в стороне предполагаемые финско-самоедские элементы, одной из наиболее важных саяно-алтайских проблем явится выяснение как соматических, так и бытовых элементов, свойственных туркам и монголам, населяющим замкнутые долины этой горной страны. В разрешении турецко-монгольской проблемы решающее значение будет иметь сравнительное изучение физического типа и быта современного населения Саяно-алтайского нагорья, но большую помощь окажут также те свидетельства, которые хранят нам памятники далекого прошлого.

Дикий и мало доступный Алтай хранит многочисленные следы древних обитателей. Повсюду на надпойменных террасах рек или по склонам приточных долин, там, где мы в настоящее время встречаем стойбища современного населения, имеются различные каменные сооружения и древние могилы. Между тем, не только систематических палеоэтнологических исследований, но и раскопок разведочного характера на Алтае почти не производилось. Раскопками Радлова ¹ [сноска: ¹ Radloff, W. «Aus Sibirien». Lese Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig. 1893.] 70-х годов прошлого столетия и разведками Адрианова ² [сноска: ² А.В. Адрианов. «К археологии Западного Алтая» (Поездка в Семипалат. обл. в 1911 г.). Известия И.Арх.Ком., вып. 62, 1916 г.] исчерпывается все, что мы имели до настоящего времени. Вполне естественно поэтому, что при наших этнологических исследованиях на Алтае в 1924-25 гг. особое внимание было уделено изучению древних памятников, которые уже и теперь дали нам крайне интересные результаты.

Считая преждевременным обзор древних культур Алтая в связи с культурой современного его населения, мы намерены остановить внимание пока только на одном могильнике, открытом А.Н. Глуховым в 1924 г. в низовьи р. Чулышмана и раскопанном тогда же Алтайской Экспедицией Этнографического Отдела Русского Музея, под руководством С.И. Руденко, А.Н. Глуховым, при участии Б.А. Борнемана и С.П. Сулова, а в 1925 г. доследованном А.Н. Глуховым.

Восточный Алтай представляет собою горную страну, поднятую на значительную высоту (1800-2000 м.) над уровнем моря. Обилие высоких нагорий, на которых весна, лето и осень в совокупности продолжаются всего два — три месяца, как в полярной тундре, определяют собою климат и условия жизни в Восточном Алтае. Понятно, что эти холодные нагорья с обилием болот, топей, россыпей и зарослей полярной берёзы, являющихся результатом рельефа, не благоприятны для обитания. Глубокие врезавшиеся долины представляют собою сравнительно узкие линии теплых оазисов в этой холодной стране. Они дают приют современному населению Алтая, они же служили убежищем и древним обитателям, о чём свидетельствуют многочисленные, оставленные ими в этих долинах, памятники.

На северо-востоке Русского Алтая, между высокими хребтами, вытянулось в меридиальном направлении одно из самых крупных и глубоководных озёр Сибири, Алтын-коль или Телецкое озеро. Заполняя вспаханную Чулышманским ледником тектоническую впадину, Алтын-коль на юге принимает р. Чулышман с р. Башкаутом и на севере отдаёт свои воды р. Бии, которая с другою горною рекою Катунью, при их слиянии, как известно, образует р. Обь.

Чулышман с Башкаутом текут в крайне узких, корытообразных долинах, обитаемых только в низовьях. При впадении р. Башкауса, долина р. Чулышмана несколько расширяется. Плодоносная почва этой тёплой, заключённой среди суровых гор, долины покрыта прекрасными лугами, а на возделанных местах снимаются обильные урожаи. В связи с совершенно особыми физико-географическими условиями данного района, летние осадки в низовьи р. Чулышмана крайне редки. Знойное летнее солнце на холмиках и гривках выжигает травы и сушит посевы. Только искусственное орошение целой системой арыков (суахов) обеспечивает урожай хлебов и трав (рис. 1). Теленгеты, современное население низовья р. Чулышмана, широко пользуются

искусственной системой орошения, унаследованной ими от древних обитателей долины этой реки. Кем и когда сооружены многочисленные оросительные системы на р. Чулышмане и вообще в Восточном Алтае, вопрос этот мы пока оставляем открытым.

Немного ниже впадения в р. Чулышман р. Башкауса, примерно на расстоянии километра от устья последней, на правом берегу р. Чулышмана, пониже теленгетского поселения Кудыргэ-аиль, на песчаной гривке раскинулся исследованный нами могильник. Отвесный, скалистый правый берег долины р. Чулышмана, Карали-ярык, с одной стороны, и русло реки, с другой, ограничивают небольшую площадку, урочище Кудыргэ или Кудыргэ и Оон, длиною около пятисот метров и двести с небольшим метров шириною. У южного конца этой площадки расположен зимник Кудыргэ-аиль, самая же площадка занята летником и хлебными полями, орошаемыми сувахами. На гривке, как сказано, расположен могильник, дробящийся на отдельные группы могил, разбросанные на узких песчаных холмиках, вытянутых в направлении параллельном руслу реки (см. план рис. 2).

Рис. 1. Оросительные каналы в долине р. Чулышмана.

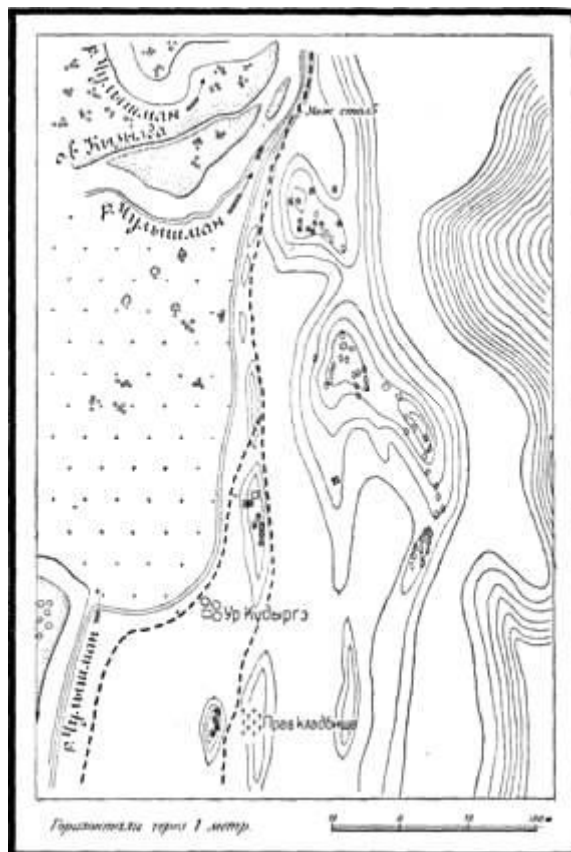

Рис. 2. План раскопанного могильника; перекрещены вскрытые могилы.

Всех могил в могильнике около сорока, причём из них раскопана двадцать одна могила (на плане помечены крестиком)¹. [сноска: ¹ Коллекция из раскопок могильника Кудыргэ зарегистрирована в Этнографическом Отделе Русского музея под № 4150 и 4389.] По внешнему виду каждая могила легко различима. Овал (1,4x2,4 м.) из расположенных один возле другого крупных камней, или овал расплывчатого очертания из камней, выступающих над поверхностью почвы сантиметров на тридцать, обозначает могилу (рис. 3, слева). Направление продольной оси могилы совпадает с направлением песчаной гривы, на которой могилы расположены, и направлением русла реки N-S. По снятии каменной кладки овала и камней, заполняющих внутренность могилы, на глубине примерно 30-40 см., каменные глыбы исчезают, и внутри могилы мы находим только песок. Ниже, на глубине около 1,3 м., снова появляется слой каменных глыб во всю площадь могилы, под которым обнаруживается скелет лошади, а несколько глубже (см. на 20-25) параллельно ему расположенный скелет человека на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища или сложенными на лобке (рис. 3, справа). Погребённый обычно обращен головой на S (15 случаев) реже на N (6 случаев). Лошадь, как правило, лежит с поджатыми ногами, спиною вверх, туловищем слегка наклоненным на левый бок, с вытянутой вперед головою, которая, как и у погребённого, направлена на S, реже на N. Скелет лошади в

могиле расположен несколько выше скелета человека. Получается такое впечатление, будто бы приготовленная для погребения могила была ступенчатая. На дне могилы полагали труп умершего, а рядом с ним к востоку и параллельно ему, на уступе, возвышающемся см. на 20 над дном могилы клали труп лошади. Быть может после положения трупа человека на дне могилы, его засыпали песком и затем уже клали труп лошади. Вследствие того, что грунт, в котором заключаются погребения, песчаный и песком же засыпалась могила, почти невозможно установить точной границы грунта копанного и некопанного. Умершие обычно клались на дно могилы без подстилки, но имеются два случая положения в гробу. В одном случае гробом служил ящик (0,65x2 м.) из тёса лиственничного дерева (около 4 см. толщиной), на шипах, с дном и крышкой в две тесины. Во втором случае гробом служила колода (0,45x2,25, глуб. 0,36 м.), выдолбленная из лиственничного бревна, прикрытая сверху двумя тесинами.

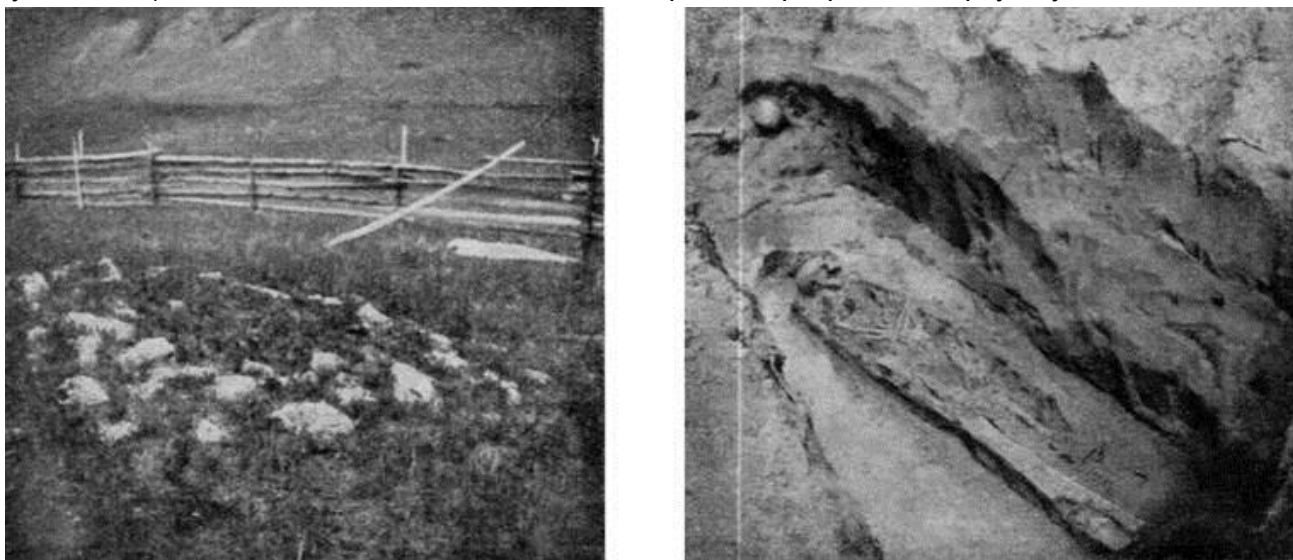

Рис. 3. Внешний вид могилы. Положение скелета в могиле.

Погребальный инвентарь богат и разнообразен. Менее всего мы имеем остатков одежды. Только куски шёлковой и шерстяной ткани, лоскуты меха остались от одежды, а кожи — от обуви. Шёлковые ткани сохранились в могилах в нескольких образцах. Здесь

Рис. 4. Шёлковые ткани: гладкая (1); изнанка узорчатой (2); плотная рипсованая (3).

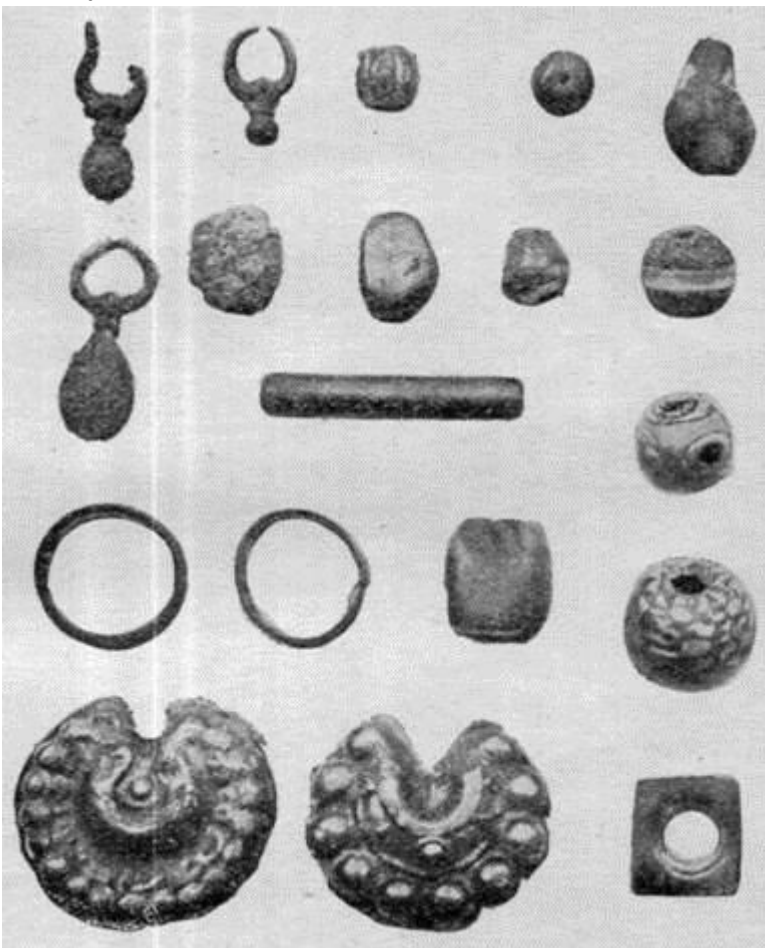
мы имеем очень тонкую и редкую (рис. 4, 1) шёлковую ткань (46x46 нитей в одном квадратном сантиметре), ткань более плотную, с узорчатыми клетками (рис. 4, 2) и, наконец, шёлковую же ткань, очень плотную (рис. 4, 3). Все шёлковые материи окрашены в ярко жёлтый, золотистый цвет.

Куски ткани настолько невелики, что трудно сказать о покрое и характере одежды, для которой они служили. Большие полотнища сшивались шёлковыми нитками, и весьма вероятно, что мы имеем дело с остатками рубах или халатов.

В могиле 5-ой сохранились остатки очень плотной и прочной шерстяной ткани. Судя по месту нахождения остатков шерстяной ткани, можно думать, что она служила для штанов. Кусочки меха, повидимому, от одежды и её отделки, уцелели в нескольких могилах. Здесь мы имеем мех соболя и других. Меха, равно как и кожи, судя по нескольким фрагментам, сшивались сухожильными нитками. Кожа, хорошо выделанная, сохранилась от обуви. По отдельным

лоскутам кожи трудно судить о покрое обуви, но все же можно предполагать, что обувь шилась из мягкой кожи и не имела ни подметок, ни каблуков.

Рис. 5. Бронзовые серьги, медные кольца, золотые колты, бусы; направо сверху маралий зуб, внизу просверленная каменная подвеска; 2/3 нат. вел.

Несравненно

многочисленнее *украшения*, которые по свойству самого материала сохранились довольно хорошо. Прежде всего мы находим медные кольца (рис. 5), которые часто встречаются на фалангах второго и среднего пальцев руки. Сделаны кольца из сравнительно тонких и узких полосок меди. Серьги (рис. 5) в могильнике встречаются трёх типов: в виде небольших бронзовых колечек с небольшой шарообразной подвеской; серьги из бронзового колечка с яйцевидной, полой внутри, подвеской и, наконец, золотые колты. Бронзовые серьги литые, причём яйцевидные состоят из двух отдельно отлитых половинок, одной с колечком-ушком и другой, состоящей только из полый половинки яйцевидной подвески. Золотые серьги штампованы из золотых листков, причём каждая серьга состоит из пары совершенно одинаковых

половинок, скрепленных по шву тонкой, лентовидной пластинкой золота. Форма серьги чечевицеобразная, с пололунной выемкой наверху. Поверхность серьги сплошь покрыта горельефным орнаментом, в виде полусфер, расположенных по ряду concentрических кругов.

Общий характер этих подвесок наводит на мысль, что они могут быть местной, туземной работы, выполненной по способу металлопластики или даже эстампированием с привозных, византийских оригиналов (колтов). Особенно обращает на себя внимание зигзагообразный орнамент, выполненный на оригинале сканью, а на кудыргинском экземпляре эстампажем с него. Своеобразную ферму имеют бронзовые серьги из могилы семнадцатой (рис. 7, 1).

Бусы (рис. 5), которые мы встречаем у шеи и на одежде, не особенно многочисленны, но очень разнообразны и интересны. Здесь имеются и маленькие агатовые, и плоские янтарные, цветные, шаровидные стеклянные с глазками и поясками; наконец, весьма интересны большие круглые бусы из пасты, с своеобразным рисунком из желтых линз в красной оправе, на фоне из черных и желтых угловатых фигур. Среди бус найден каменный

(41/42) ^

кубик (рис. 5, справа внизу) с просверленным в нем отверстием, который был найден вместе с бусами.

Здесь же следует упомянуть и о маральем зубе, который встречен в одном из женских погребений (рис. 5, справа сверху).

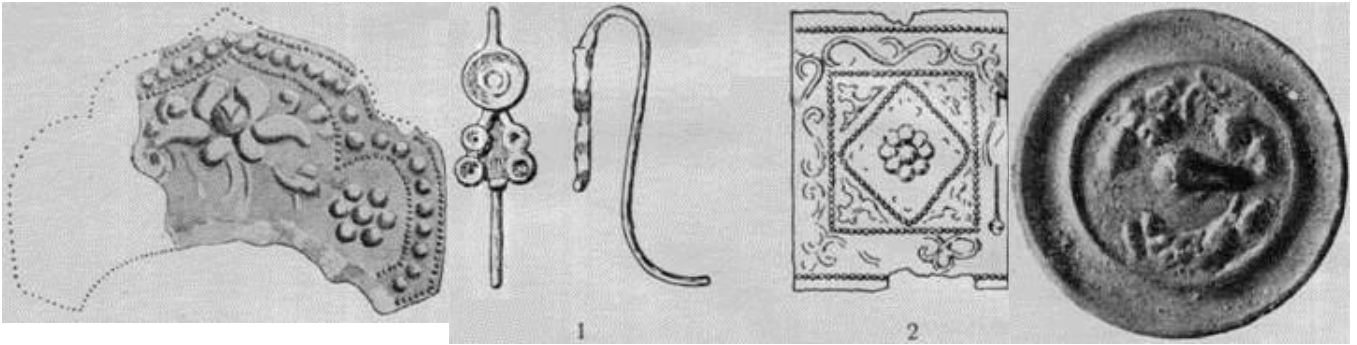

Рис. 6. Металлическая пластинка; 2/3 нат. вел.

Рис. 7. Серьга (1) и орнамент развёрнутой металлической трубочки (2); 2/3 нат. вел.

Рис. 8. Китайское зеркало; 2/3 нат. вел.

В одном из погребений найдена связка барьих астрагалов (рис. 9, справа) с широкими, сквозными отверстиями, повидимому, для продевания ремня, на котором они носились; на нижней стороне астрагалов все выпуклости стороны и сама поверхность сглажены.

Весьма интересна тонкая штампованая (из низкопробного серебра) узорчатая пластинка, с цветком лотоса посредине, найденная над черепом одного из погребённых и, можно думать, служившая украшением головного убора. По характеру орнаментации и материалу весьма близка к только что упомянутому украшению головного убора узорчатая трубочка с деревянным стержнем внутри, рисунок которой (рис. 7, 2) мы приводим в развёрнутом виде. Назначение этого предмета для нас пока не совсем ясно.

В одном из женских погребений, у левого бедра, найдено китайское бронзовое зеркало, которое повидимому, носилось у пояса. Одна из сторон зеркала (рис. 8) гладкая, другая имеет в центре ушко, а внутри круга, хотя и небрежно отлитые, но всё же различимые традиционные изображения. Зеркало это по нашей просьбе изучено помощником хранителя Этнографического Отдела М.П. Лавровой, которая сообщила нам следующее. «На орнаментированной стороне имеется желобоватый бортик, обрамляющий плоскость, в центре которой находится небольшое ушко, а поверхность её занята рельефными изображениями символических животных: дракон, тигр, черепаха со змеей и, повидимому, феникс. Распределение этих фигур на плоскости и самое их изображение даёт возможность совершенно точно установить, что в данном случае образцом для мастера служило зеркало, сработанное в стиле мастера Ханьского времени, по имени Цин-Гай. В этом нас убеждает сопоставление нашего зеркала с одним из зеркал (42/43) ^

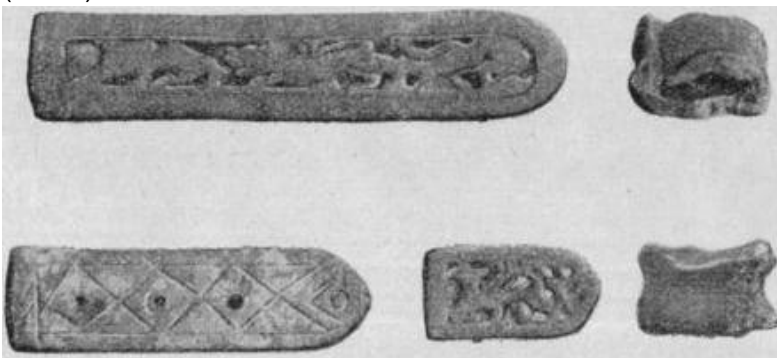

Рис. 9. Наконечники поясных ремней; направо просверленный барьий астрагал; 2/3 нат. вел.

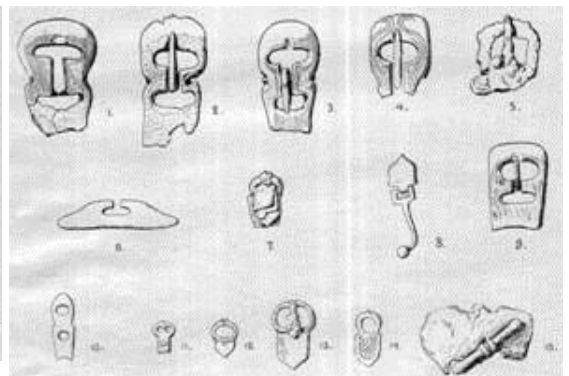

Рис. 10. Пряжки от седельных подпруг (1-5, 9); застёжка узды (6); различные пряжки (7, 8, 10-15); 1/2 нат. вел.

коллекции Этнографического Отдела Русского Музея, носящим на себе подпись Цин-Гая. Сравнивая с ним наше зеркало, отмечается точное подражание этому мастеру в художественной интерпретации животных; особенно ярко это выступает в характерной манере Цин-Гая изображения дракона. Но следует отметить, что только указанным подражаниям и ограничился мастер нашего зеркала: бортик, ушко (часто весьма характерные для зеркал) вес, размеры — всё это не имеет ни малейшего совпадения с типом Ханьских зеркал вообще и зеркал Цин-Гая в частности. Наше зеркало является простой дешёвой ремесленной работой

мастера, не ставившего себе задачу делать точную копию, но облюбовавшего манеру Ханьского мастера».

В заключение следует упомянуть о металлических украшениях поясного набора. Среди них мы имеем или круглые, литые металлические бляшки (рис. 15, 10-12) или наконечники поясных ремней (рис. 9). Среди последних мы встречаем либо покрытые линейным и кружковым орнаментом, либо сильно стилизованные фигуры животных (дракона, грифона и др.).

Поясные *пряжки* обычно бронзовые с железным язычком (рис. 10, 7 и 13), реже железные, квадратной формы, или бронзовые крючкообразные с шишечкой на конце (рис. 10, 8), (43/44) ^

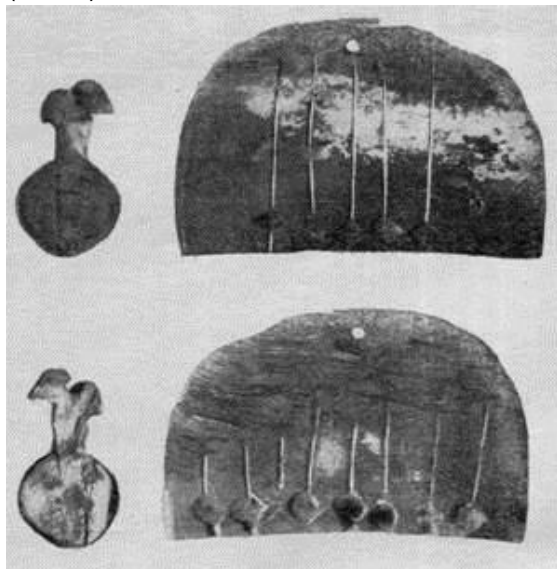

Рис. 11. Дощечка для добывания огня; 2/5 нат. вел.

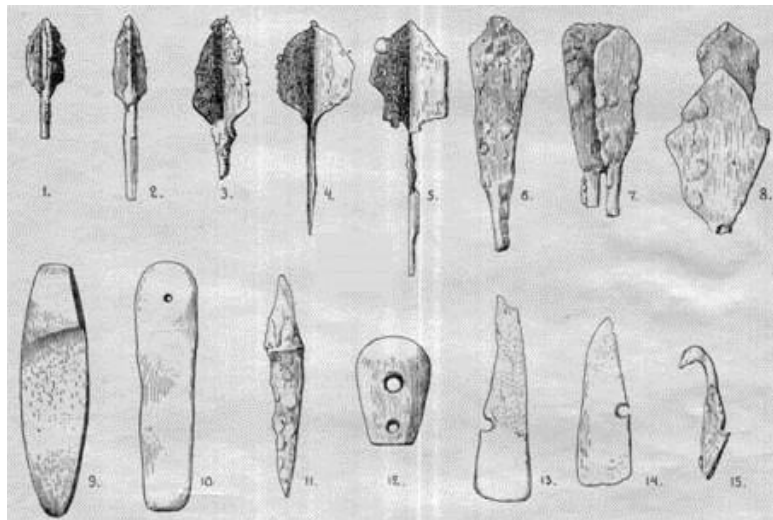

Рис. 12. Наконечники стрел (1-8); оселки (9 и 10); нож (11); каменный блок (12); костяные пластины (13 и 14); бронзовая головка птицы (15); 1/2 нат. вел.

и зацепляющейся за проделанное в ремне отверстие. Изредка встречаются маленькие костяные пряжечки без язычка (рис. 10, 10) или маленькие же металлические пряжечки-имитации, с ложным язычком (рис. 11[10], 11). Маленькие металлические пряжечки нередко находятся в ногах погребённых, что даёт повод думать об употреблении их для застёгивания обуви или пристёгивания штанов.

Среди орудий, *предметов домашнего обихода*, прежде всего, обращает на себя внимание полукруглая дощечка из плотного дерева, с пятью углублениями на одной и семью на другой стороне, и отходящими от углублений желобками (рис. 11). Без сомнения мы имеем дело с дощечкой для добывания огня сверлением. Пять углублений одной стороны только намечены, но не использованы; не использовано большинство углублений и другой стороны, но два из углублений глубоки, обуглены и носят следы добывания огня. Желобки, имеющиеся у каждой из ямок, предназначены, по всей вероятности, для травы или иного какого-либо легко воспламеняющегося материала. Вместе с дощечкой найден ещё деревянный кружок, также, повидимому, употреблявшийся при добывании огня; он сверху накладывался на палочку, вращением которой добывался огонь, и имеет в центре обуглившееся углубление (рис. 11, слева).

В большом количестве в каждой могиле встречаются железные ножи, к сожалению, очень плохо сохранившиеся. Судя по уцелевшим остаткам их, клинки (рис. 12, 11) имели длину от 10 до 15 см. Массивные черенки ножей вставлялись в деревянные рукоятки, причём иногда рукоятки были заключены в костяные резные обоймы (рис. 17, 3).

Рис. 13. Колчан; 1/5 нат. вел.

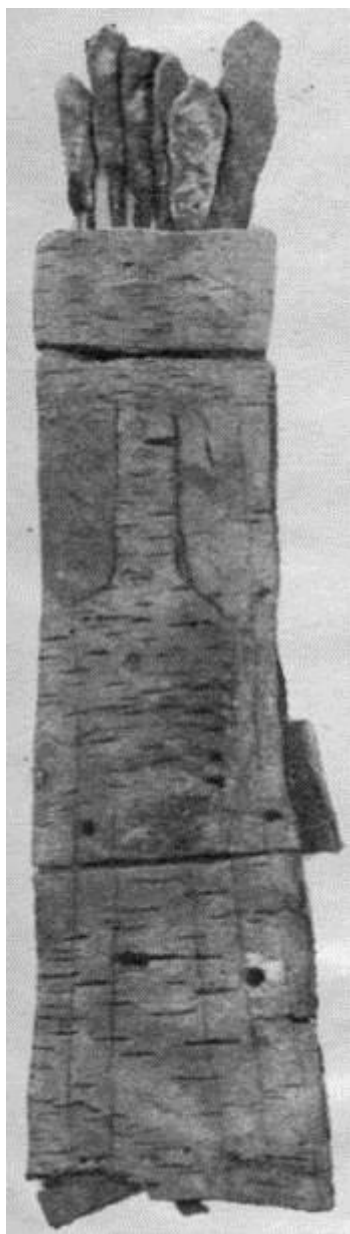
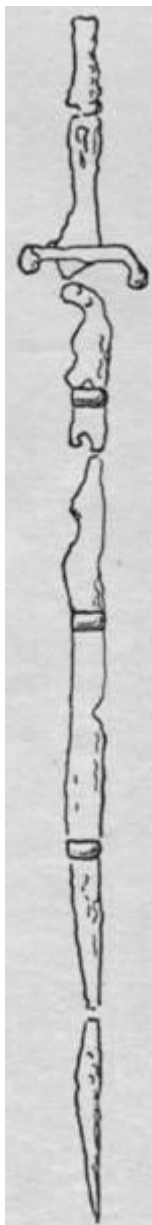

Рис. 14. Меч; 1/6 нат. вел.

Для точения ножей употреблялись оселки (рис. 12, 9 и 10); они носились у пояса или подвешенными на ремешке, когда имелось в оселке для него отверстие, или в особых кожаных футлярах.

Об *оружии* мы имеем возможность судить по наконечникам стрел, мече, кинжалам и остаткам колчанов.

Наконечники стрел (рис. 12, 1-8), в большом количестве найденные в могильнике, железные трёхлопастные, небольших или значительных размеров, или плоские лопастные нескольких типов. Все наконечники стрел имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко; при некоторых из них встречаются полые костяные шарики с прорезами, издающими при полёте стрелы свистящий звук. Трёхлопастные стрелы, по всей вероятности, боевые, плоские — охотничьи. В одной из могил вместе с колчаном была найдена связка стрел, неимеющая металлических наконечников, стрел слегка утолщающихся и заострённых на конце. В двух могилах сохранились остатки берестяных колчанов (см. рис. 3, справа, в ногах погребённого, могила 14). Плохая сохранность не позволила взять их целиком, но легко удалось определить и зарисовать их форму.

Один из берестяных колчанов (рис. 13) сохранился лучше других. Он не имеет деревянного каркаса и состоит из двух кусков берёсты свёрнутых в виде плоских футляров, вложенных один

в другой и плотно склеенных между собою. С наружной стороны сверху, как украшение, наклеены две кожаные полоски, а с обратной стороны, с той же целью вдоль краев надрезаны две узкие полоски. В колчане помещалась связка стрел.

Колчан из могилы пятой был украшен по наружной поверхности пятью бронзовыми бляшками, в виде группы из четырёх кружков, соединённых вместе (рис. 15, 13).

Только в одном погребении был найден обоюдо-острый железный меч с эфесом и железными накладными кольцами-обоймами на деревянных истлевших ножнах (рис. 14).

Несовсем понятно назначение нередко встречающихся костяных пластинок (рис. 12, 13-14), с глубоким вырезом на одном из продольных краёв. Пластинки эти встречаются сложенными вместе так, что выемки совпадают; в некоторых случаях они бывают узкими и длинными. Есть некоторые основания предполагать принадлежность их колчанам, но доказать это мы пока не можем. Неясно также назначение бронзовой крючкообразной головки птицы, припаянной к сильно проржавевшей клёпаной железной пластинке (рис. 12, 15).

Достоверных остатков лука мы не имеем и о форме его можем судить только по гравюре на одной из лук седла (могила 9), с которой мы познакомимся ниже.

Весьма богатым инвентарем представлено конское убрание. Как было уже сказано выше, лошади погребались целиком, спиной кверху, с поджатыми ногами, вытянутой шеей и головой. Судя по тому, что ноги лошади не были связаны, надо полагать, что

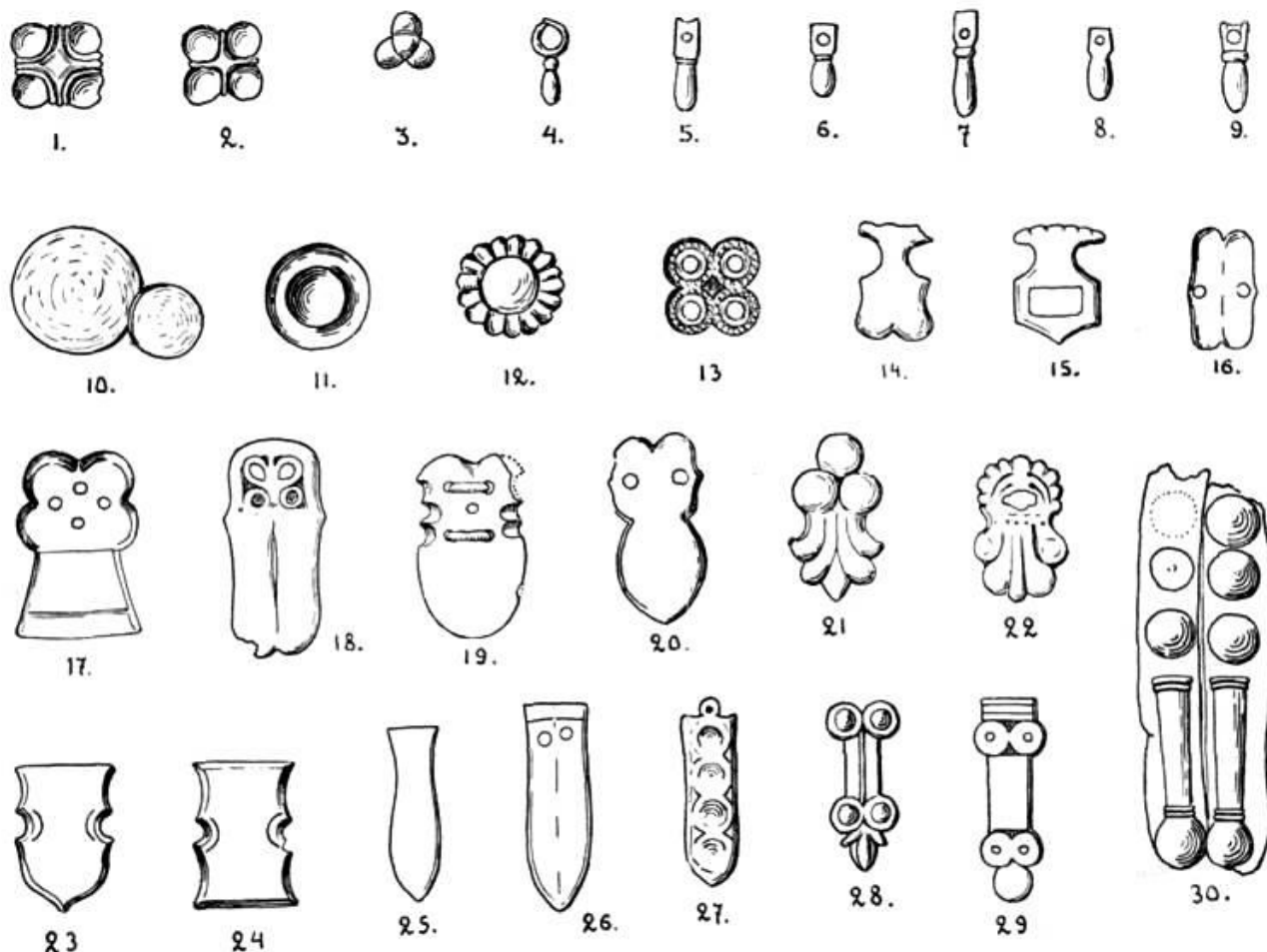

Рис. 15. Металлические украшения конского набора (1-9, 14-30); поясные украшения (10-12); украшение колчана (13); 2/3 нат. вел.

они хоронились умерщвлёнными. Все погребённые лошади взнузданы и засёдланы. Узды, от которых уцелело не мало остатков, сделаны из хорошо выделанного толстого ремня. Ремень шёл от удила через голову, сзади ушей; над глазами и между колец удила, над носовой частью головы имелись кожаные перемычки; на лбу от лобной перемычки между глаз спускались ремённые полоски с набитыми на них металлическими украшениями. Снизу узда подвязывалась особым ремешком с петлёю и костяной пластинкой (рис. 10, б) продевавшейся в ремённую петлю.

Удила (рис. 16, 6) простые железные, с сравнительно небольшими кольцами, обычно без псалий, но в некоторых случаях имеются костяные псалии. Псалии (рис. 16, 9) делались из оленьего рога имели два продолговатых отверстия и загнуты на одном конце. Псалии продевались в кольца удил так, что кольцо приходилось между продольными прорезами псалий; в последние продевались ремни от повода (рис. 16, 7).

Узда, как правило, богато украшалась металлическим, бронзовым и из низкопробного серебра набором, рисунки которого мы приводим (рис. 15, 1-9 и 14-30). Литые металлические пластинки конского набора имеют на обратной стороне металлические стерженьки,

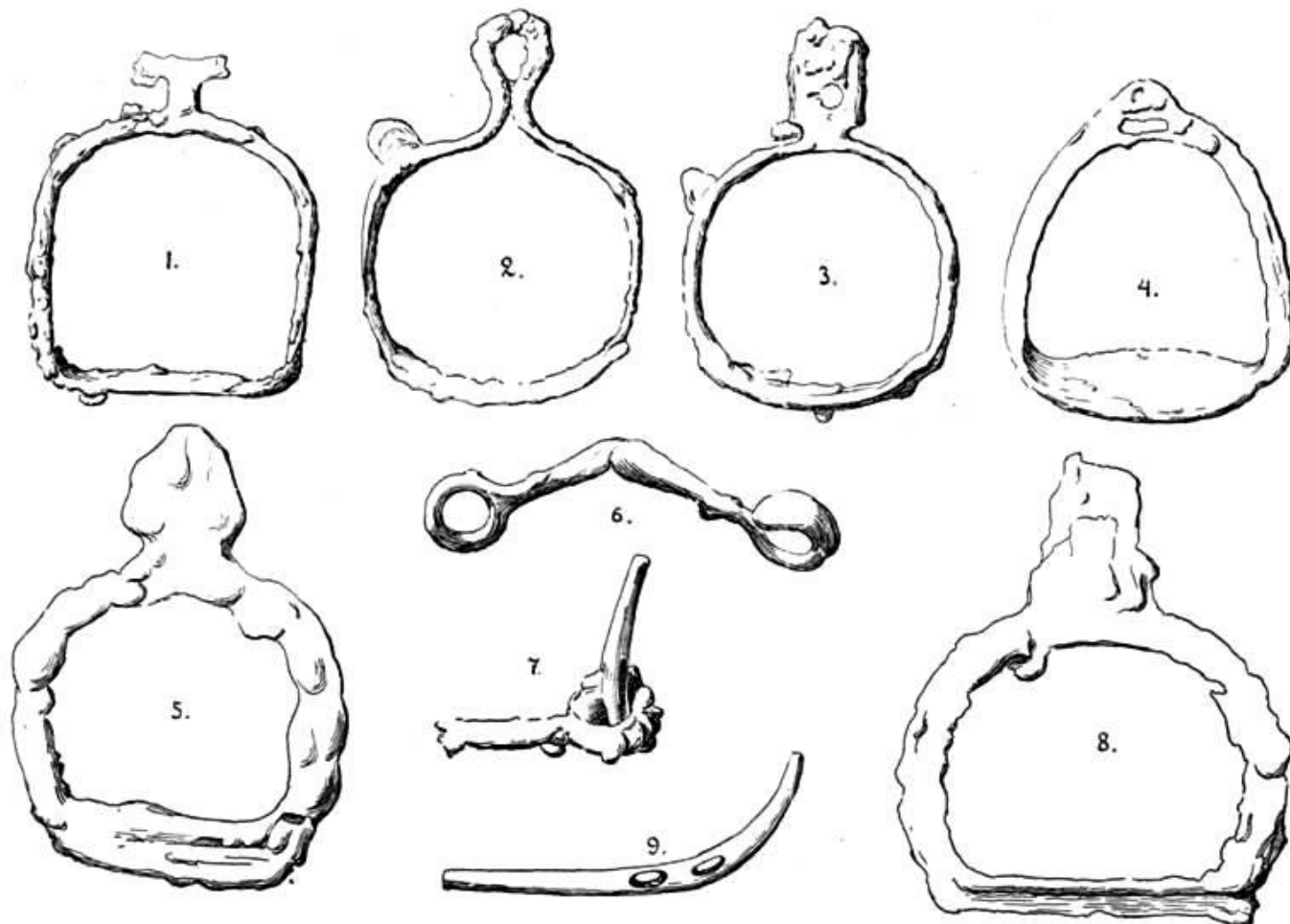

Рис. 16. Стремена (1-5 и 8); удила (6); костяные псалии (7 и 9); 1/3 нат. вел.

при помощи которых они укреплялись на коже сбруи. Достаточно указать на разнообразие форм уздечных украшений, чтобы судить, в какой мере обращалось внимание на конское упряжь.

Деревянные сёдла, судя по уцелевшим остаткам, имели большие луки, особенно переднюю. Укреплялось седло на лошади подпругами, снабжёнными массивными костяными, реже железными, пряжками (рис. 10, 1-5 и 9). Передняя лука седла в большинстве случаев сверху по дуге окантовывалась костяной дугообразной пластинкой (рис. 17, 1). В иных случаях, помимо этого костяного кантика, передняя лука спереди покрывалась (47/48) ^

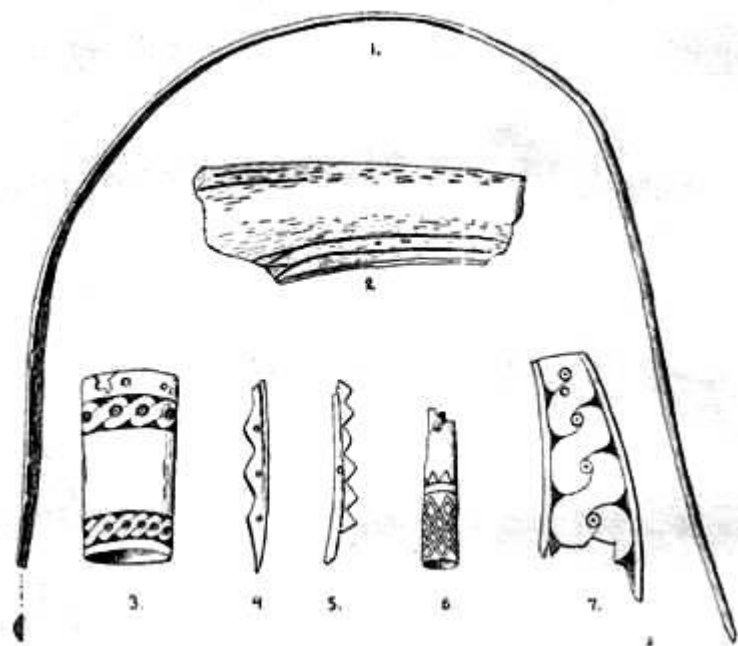
костяными резными пластинками (рис. 17, 2 и 7, [таблица](#)) или зубчатыми костяными же кантиками, (рис. 17, 4 и 5).

Совершенно исключительный интерес представляет костяная *обкладка передней луки седла* (из могилы 9), сплошь покрытая изображениями животных и охотничьих сцен.

Гравировка, покрывающая всю поверхность костяной пластины передней луки седла (см. таблицу), представляет собою сложную и высоко художественную композицию, исполненную смело и искусно рукою. За исключением двух центральных фигур тигров, все остальные изображены на летучем галопе, вполне реалистично, с глубоким знанием и пониманием формы.

Особенно замечательны две фигуры всадников, стреляющих на полном карьере из луков, в одном случае в преследуемых оленей, самца и самку, в другом — в кулана.

Рис. 17. Костяной кант луки седла (1); обойма ручки ножа (3) и шила (6); накладки на переднюю луку седла (2, 4, 5 и 7);
1/3 нат. вел.

Лошади под всадниками имеют подстриженные гривы, взнузданы и засёдланы. Отчётливо видны резко очерченные подседельные чепраки, изображены седельные нагрудники и подхвостники. Головные уборы и одежда верхней половины тела всадников трудно различимы, зато прекрасно видны широкие шаровары, опускающиеся до щиколотки, и короткая обувь. Натянутый короткий лук, характерной азиатской формы, с сильно загнутыми концами. Отчётливо виден широколопастный наконечник стрелы. Рядом с одним из всадников вытянулась

на бегу собака с тонким и длинным туловищем, гладким, длинным с кисточкой на конце хвостом, с прижатыми к телу ушами. К сожалению, передняя часть собаки повреждена, но и по уцелевшему рисунку совершенно ясно, что мы имеем дело с собакой из породы борзых. Впереди мчавшихся оленей изображён на бегу, с разинутой пастью, медведь. В обратном направлении, под всадником мчатся козы, самец и самка. Под куланом и преследующим его всадником изображены две рыбы, а между куланом и тигром пара горных баранов, самец на летучем галопе и пораженная самка с запрокинутыми вверх головой и задом. Над тиграми изображение зайца на скаку и лисицы «на лету».

При сопоставлении отдельных изображений этой гравюры останавливает на себе внимание одно обстоятельство. Всадники, кулан, олени, козлы, бараны, медведь, собака, заяц и лисица — животные местной фауны — изображены на летучем галопе с удивительным знанием анатомии и пластики этих животных. Напротив, тигры, животные чуждые местной фауне, изображены в каких-то застывших, традиционных позах, как будто взятых художником с каких-то чуждых ему образцов.

Любопытно отметить, что всадники изображены с опущенными ногами без стремян. Между тем при каждом седле, как правило, находится пара железных стремян нескольких типов (16, 1-5 и 8). Мы имеем или дугообразное стремя с прорезами для ремня и очень широким основанием, или почти круглые стремяна с круглым или квадратным прорезом для ремня, с двумя ушками по верхнему краю и сравнительно узким основанием, или плоское, почти квадратное стремя, широкое или узкое с узеньким основанием. У стремян часто находятся литые бронзовые прямоугольные обоймы, которые надевались на ремень стремени, в нескольких сантиметрах от стремени, дабы последнее плотнее держалось и не скользило на ремне.

В одной из могил (мог. 9) найден массивный каменный блок (рис. 12, 12) с двумя круглыми отверстиями — малым у края и большим в центре. Судя по форме этого блока и по стёртости краёв его центрального отверстия, можно думать, что мы имеем дело с блоком от ременного лассо, которое могло служить для поимки лошадей.

Краткий обзор погребального инвентаря позволяет нам до известной степени составить представление об образе жизни населения, оставившего раскопанный нами могильник.

Весьма вероятно, что древние кудыргинцы были осёдлы. Нет оснований полагать, чтобы климатические условия в эпоху, к которой относится данный могильник были иные чем в настоящее время, по крайней мере менее суровые, а если это так, то зиму население р. Чулышмана могло проводить только в замкнутой долине её низовья. Впрочем, полное отсутствие керамики, казалось бы скорее свидетельствует о том, что мы имеем дело с

кочевниками, быть может случайно забредшими в глухую долину Восточного Алтая. Кудыргинцы несомненно были конниками, лошадь играла крупную роль в их жизни и сопровождала их в загробный мир. Богатое убранство конской сбруи, несравненно более богатое, чем личный, хотя бы поясной, набор, подтверждает значение лошади в их быту. Мы не знаем разводили ли кудыргинцы рогатый скот, но овец они держали. Во многих могилах мы находим традиционную заднюю часть туши овцы (крестец, три-четыре ребра и заднюю ногу), которой снабжался умерший при погребении. Неясен также вопрос, занимались ли они земледелием. Помимо скотоводства, одним из основных занятий кудыргинцев была охота, о чём свидетельствуют выше описанные охотничьи сцены и остатки одежды из меха.

Добывая огонь трением, незнакомые с керамикой, кудыргинцы несомненно искусно обрабатывали дерево, пользовались берёстой для различных поделок, обрабатывали кость и, быть может, железо. Для одежды они пользовались мехами, шерстяными и тонкими шёлковыми тканями, носили кожаную обувь. Меха и кожу они вероятно выделывали сами, что же касается тканей, особенно шёлковых, металлических украшений, в частности поясного и конского набора, то последние иноземного происхождения, указывают на культурные связи и определяют время, к которому следует отнести могильник.

Шёлковые китайские ткани (на одном из фрагментов имеется китайский иероглиф) получались кудыргинцами с востока, равно как и китайские зеркала. Ткани и зеркало, найденные в могильнике, свидетельствующие о культурных связях с Китаем, не дают нам ещё возможности датировки. Тем ценнее китайская монета из могилы 15, относящаяся по определению проф. В.А. Алексеева к младшей Ханьской династии. Изображение этой монеты дано в книге: «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 г.г.» изд. Русского Музея, Ленинград 1926 г., стр. 76).

Сопоставляя седельные костяные пряжки с добытыми Адриановым при раскопках курганов в Урянхайском крае (коллекция хранится в Томском Университете) совместно с китайскими монетами, мы могли бы с ещё большей уверенностью говорить о восточных связях, если бы этот тип пряжек не был так широко распространён и не переживал бы многие столетия.

Культурные связи с западом проявляются главным образом в металлических поясных и конского набора украшениях, металлических пряжках, серьгах и бусах.

Весьма важным является вопрос о происхождении костяных накладок на сёдла и их орнаментации. Мы имеем всего три костяных накладки луки седла и ещё несколько костяных орнаментированных предметов. Одна из седельных накладок гладкая с линейным орнаментом по краям. Вторая накладка представляет собою костяную пластину, сплошь покрытую орнаментом (рис. 17, 7), сходным с отмеченным выше орнаментом костяной рукоятки ножа (рис. 17, 3). Третья накладка покрыта гравировкой охотничьих сцен ([таблица](#)). Если-бы последняя была единичной находкой, можно было бы думать о её иноземном происхождении, нахождение же её вместе с другими аналогичными предметами говорит скорее об её туземном происхождении.

Размеры данной статьи не позволяют подробнее остановиться на описании могильника и его месте среди известных нам древних культур Алтая. Отметим, пока, что кудыргинский могильник, видимо, древнее погребений, раскопанных акад. Радловым в Уймонской степи, и относится, по всей вероятности, к VII веку нашей эры. Этот возраст могильника определяется всей совокупностью погребального инвентаря и общими руководящими формами металлических поделок с таковыми катакомбного могильника Осетии близ Чми, раскопанного Самоквасовым (с сассанидской монетой Хозроя I-го, 531-579 г. по Р.Хр.) с металлическими поделками из погребений нижнего слоя Суук-су в Крыму, древнейшими погребениями Верхне-Салтовского могильника и проч.

Весьма интересен вопрос о физическом типе и происхождении народности, которой принадлежит кудыргинский могильник. К сожалению, почвенные условия не благоприятствовали сохранности костей. Мы имеем всего пять, более или менее сохранившихся, скелетов — три мужских и два женских. Поскольку позволяет судить этот скромный материал, кудыргинцы были среднего роста, брахицефалы, лептопрозопы и лепторины, со слабо выступающей подносовой остью и притупленной спинкой носа. Они существенно отличались от высокорослых долихоцефальных древних насельников Алтая и имеют много общих черт с той расой, которая

в железном веке широко распространилась в Западной Азии и Восточной Европе. Ряд физических признаков сближает кудыргинцев также и с современным населением Восточного Алтая.

Исключительного внимания заслуживает находка, сделанная в этом же могильнике, но стоящая несколько особо.

Внешняя форма каменной обкладки могилы, в которой была сделана находка, представляет собою овал, размеров близких к средним, общего для данного могильника типа,

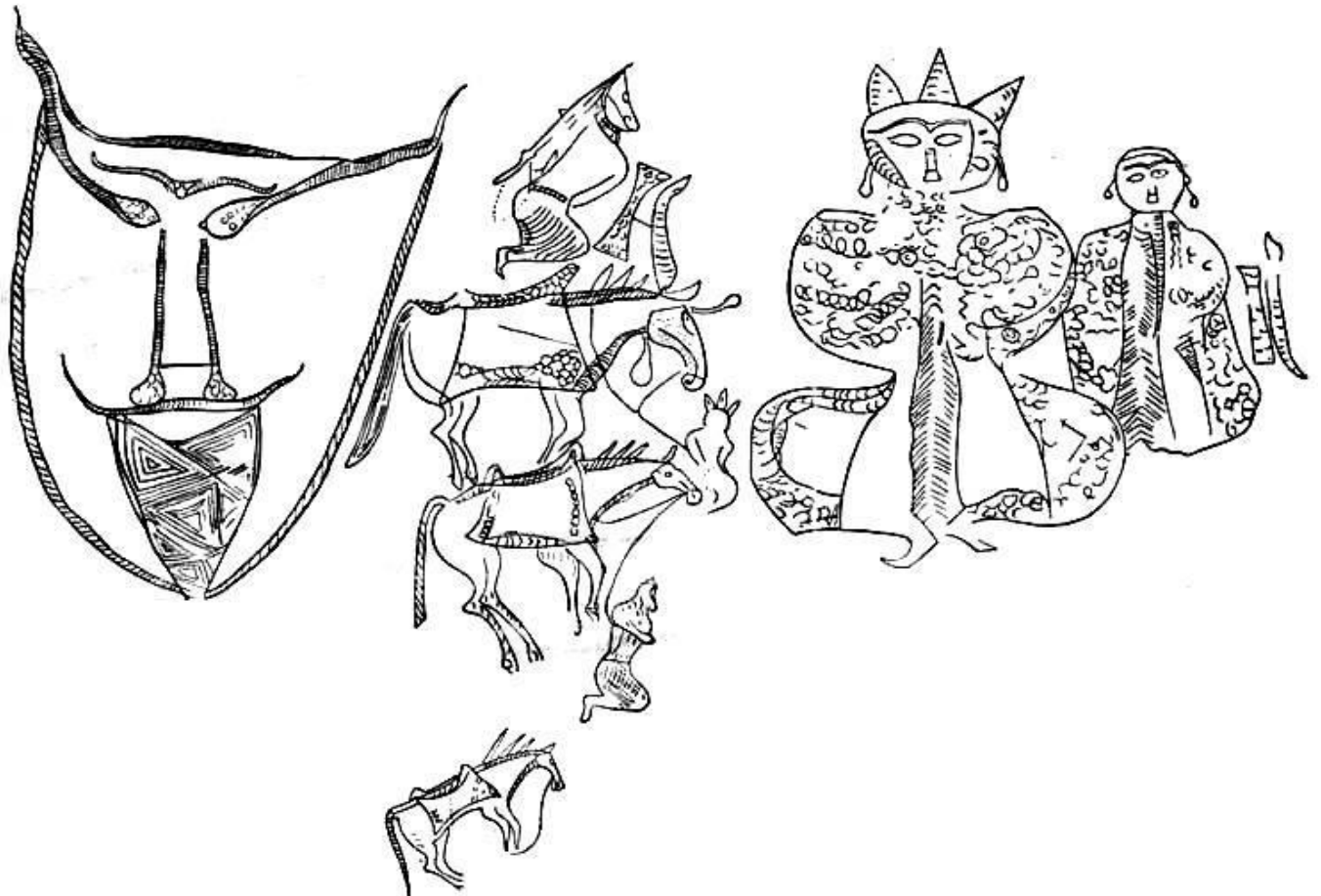

Рис. 18. Эстампаж рисунка исполненного на валуне; 2/5 нат. вел.

самое же погребение по своим размерам, расположению и ориентировке несколько уклоняется от обычной нормы. Прежде всего скелет ориентирован головой на W, что ни разу не наблюдалось в остальных могилах. Размеры площади, занятой погребением, незначительны, так как здесь мы имеем дело с погребением ребёнка грудного возраста. Этим же, быть может, объясняется и полное отсутствие погребального инвентаря, как личного, так и конского убора, следовательно и конского погребения, наличие которого вообще нужно считать характерным признаком для культуры нашего могильника. Единственный предмет придаёт этому погребению исключительный интерес — валун удлинённой формы (0,4 метра) буро-зеленоватого песчаника, три грани которого покрыты тонким резным рисунком. Эстампажную репродукцию этого рисунка в развёрнутом виде мы здесь и приводим (рис. 18). На одной широкой грани находится стилизованное изображение лица мужчины с усами, бородой и косо поставленными глазами. На другой, широкой грани изображена сидящая женщина в богатой одежде, с серьгами в ушах. Рядом с женщиной изображение ребёнка, в такой же одежде, как и

(51/52) ^

женщина, с серьгами в ушах. На третьей, узкой грани, между широкими, изображена сцена не вполне понятного содержания. Три коленопреклонённых фигуры всадников, из которых два держат в правой руке повод верховых засёдланных лошадей, а третий всадник изображён без лошади, но внизу находится засёдланный конь без хозяина. Особое внимание обращают на себя головы всадников. Лица двух из них, представленные в профиль, не человеческие, скорее звериные, весьма возможно, изображены в масках.

Валун был найден среди камней западной стенки могилы, на глубине около 0,58 метр, от верхнего края, над черепом ребёнка. Отсутствие бытовых предметов при костяке лишает возможности уверенно отнести это погребение к описанной выше культуре кудыргинского могильника.

С. Руденко. А. Глухов.

